

THE CULTURAL MEMORY OF LIPETSK REGION'S POPULATION UNDER MIGRATION CHALLENGES: MEMORIAL CONFLICT OR MNEMONIC ADAPTATION?

Roman Yu. Batishchev (a)

(a) Moscow State University. Moscow, Russia. E-mail: romanbatishhev[at]rambler.ru

Abstract

In the article it is attempted to analyze a conflict potential of the cultural memory of migrants and the host society on the territory of Lipetsk region, with the intensification of migration flows and the appearance of local frontier areas. The analysis is based on the social study that was conducted among migrants and native population of Lipetsk region during 2017-2018. The interactions between the cultural memory of migrants and the host society are considered with the using of the theoretical concepts “cultural diffusion” (sharing several aspects – cognitive, linguistic, value and behavioral) and “mnemonic adaptation” that have been validated in the project “Cultural memory of Russia in the situation of global migration challenges: representations conflicts, oblivion risks, transformational strategies”.

In this study the contradictory trends in Lipetsk region's migration situation have been observed. Nevertheless, nowadays and in the long term cultural memory has got a conflict potential. In a cognitive aspect high enough level of ethnocentricity has been exposed that is a significant impediment for mnemonic adaptation. But in linguistic, value and behavioral aspects a high degree of readiness to cultural diffusion has been exposed. In general the representatives of migrants show more openness for a new cultural experience than native Lipetsk people.

Keywords

migration; transmigrants; cultural memory; cultural diffusion; social and cultural integration; mnemonic adaptation; memorial conflict; local frontier; hybrid identity; Lipetsk region

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ: МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ ИЛИ МНЕМОНИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ?

Батищев Роман Юрьевич (а)

(а) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».
 Москва, Россия. E-mail: romanbatishhev[at]rambler.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка проанализировать конфликтогенный потенциал культурной памяти мигрантов и принимающего сообщества на территории Липецкой области в условиях интенсификации миграционных потоков и появления новых локальных фронтальных зон. Анализ опирается на социологическое исследование, проведенное среди мигрантов и «коренного» населения Липецкой области в 2017-2018 годах. Рассмотрение взаимодействий культурной памяти мигрантов и принимающего общества происходит через использование теоретических концептов «культурной диффузии» (и выделения нескольких её аспектов – когнитивного, языкового, ценностного и поведенческого) и «мнемонической адаптации», обоснованных в ходе реализации проекта «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

В ходе исследования выявлены противоречивые тенденции в миграционной ситуации в Липецкой области; тем не менее, в настоящее время и в долгосрочной перспективе культурная память обладает высоким конфликтогенным потенциалом. В когнитивном аспекте выявлен довольно высокий уровень этноцентризма как среди мигрантов, так и среди принимающего общества, что является значимым препятствием для мнемонической адаптации. Однако в языковом, ценностном и поведенческом аспектах выявлена высокая степень готовности к культурной диффузии. В целом, представители мигрантов демонстрируют большую открытость к новому культурному опыту, чем коренные липчане.

Ключевые слова

миграция; трансмигранты; культурная память; культурная диффузия; социокультурная интеграция; мнемоническая адаптация; мемориальный конфликт; локальный фронт; гибридная идентичность; Липецкая область

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ПРИМЕНЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ФРОНТИР» ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

На сегодняшний день категория «фронтир» вышла за границы сугубо территориальной плоскости и может быть применима для исследования широкого спектра социальных процессов. Как отмечают исследователи, переходу изначально географического термина в дискурс социогуманитарных наук «способствовала концептуализация понятия «социальное пространство» Г. Зиммелем и П. Бурдьё» (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016, стр. 84). В отечественных исследованиях с конца 1990-х годов категория «фронтир» в этом смысле может пониматься как граница в широком смысле слова, место выбора культурных установок и образа жизни (Замятина, 2007, стр. 176), как «процесс и результат социального конструирования реальности» (Басалаева, 2012, стр. 211).

В этой связи те или иные территориальные локусы, не являвшиеся и не являющиеся «фронтирами» в географическом смысле, могут приобретать черты «фронтирности» под влиянием определённых факторов. Для современного российского общества и многих российских регионов таким фактором выступает интенсификация миграционных процессов.

В исследованиях миграции ситуация нахождения мигрантов за пределами устоявшихся социокультурных границ с их установками и практиками, между исторической родиной и принимающим обществом, описывается трансмиграционным подходом. Концепция «трансмигрантов» является приложением более широкого «транснационального подхода», сформулированного в 1970-е годы Дж. Наем и Р. Кеохейном для анализа международных отношений и транснациональных акторов. В 1990-е годы эту теорию из международных отношений в социологию и социальную антропологию привнесли американские исследователи Н.Г. Шиллер, Л. Бах и К. Бланк-Сзантон, перенеся особенности финансово-экономической деятельности транснациональных корпораций на трудовую деятельность мигрантов (Shiller, Basch & Blanc-Czanton, 1992). В 2000-е годы и далее трансмиграционный подход начал разрабатываться отечественными исследователями (Глущенко, 2005; Абашин, 2012). Особенность трансмигрантов состоит в том, что их идентичность выходит за рамки политических границ национальных государств, иногда приобретая формы двойной, или «гибридной», идентичности. Изучению идентичности иноэтничных мигрантов на территории России посвящены крупные социологические исследования (Нестерова & Сулова, 2015; Дмитриев & Воронов, 2017; Татарко & Родионов, 2017; Мукомель, 2018).

Кроме того, представителями трансмиграционного подхода подчёркивалось, что трансмигранты часто пребывают в среде гегемонистских контекстов принимающего общества, что мешает отправлению привычных повседневных практик, а также ограничивает «манифестацию идентичности», заставляя идентифицировать себя с господствующей этнической группой принимающего общества. Данный тезис, однако, опровергается рядом полевых исследований, проведённых в России в последние годы (Андреев, Ахматшин, Годунова, Малахьева, Наледин, Химчук & Юсупов, 2019, стр. 83-112). Забегая вперёд, можно отметить, что и миграционная ситуация в Липецкой области скорее опровергает этот тезис. Тем не менее, важной методологической предпосылкой является акцент на влиянии принимающего общества, порой превосходящем влияние взаимодействий с их соотечественниками на родине.

В течение последних десятилетий в исследовании трансмигрантов наметилась ещё одна тенденция, также заимствованная из международных отношений. Если изначально трансмигранты понимались как глобальная сила, новая множественная идентичность, которая помогает трансмигрантам сопротивляться глобальным политико-экономическим воздействиям (Shiller, Basch, Blanc-Czanton, 1992, p. 11), то в последние годы акцент смещается на исследования трансмиграции на локальном уровне (Абашин, 2012), что является своеобразной проекцией явления «глокализации» на миграционные исследования. Кроме того, этот исследовательский интерес подтверждает, что в локальных масштабах некоторых территорий возможно появление «фронтирных» зон. «Фронтирность» той или иной территории оказывает влияние на формирование т.н. «гибридной идентичности», когда вопрос о принадлежности мигрантов тому или иному пространству (социальному или ментальному) «не следует ставить в виде дизъюнкции: либо в стране пребывания, либо в стране происхождения» (Малахов, 2014, стр. 216).

ПРОБЛЕМАТИКА МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ MEMORY STUDIES

Исследования миграционных процессов затрагивают не только социально-экономические, политико-юридические аспекты, не только вопросы идентичности и социокультурной адаптации, но и трансформацию исторической и культурной памяти как мигрантов, так и принимающего общества, происходящую под влиянием миграционных потоков. На западе это направление *memory studies* получило довольно широкое распространение в последние десятилетия. Так, в книге

А.-М. Фортье «Принадлежности мигрантов: память, пространство, идентичность» (“Migrant Belongings: Memory, Space, Identity”) прослеживается, каким образом повседневные практики и коммеморативные акты (например, воспоминания о войне) способствовали с 1970-х годов трансформации исторической и культурной памяти итальянских мигрантов в Великобритании (Fortier, 2000). В монографии М. Палмбергер и Е. Тошич «Память в движении» (“Memories on the move: experiencing mobility, rethinking the past”) при рассмотрении ряда этнографических кейсов делается вывод о том, что национальные государства перестали играть доминирующую роль в формировании идентичности (Palmberger & Tošić, 2016), что вновь отсылает к концепции трансмиграции и трансмигрантов как другой общности, не сводимой к стране принимающего общества или к стране, являющейся исторической родиной. К схожим выводам приходят и российские исследователи, отмечая, что в формировании «гибридной идентичности» принимают участие более двух акторов (Попков, 2016, с. 132).

В России тема трансформации культурной памяти под влиянием миграционных процессов на данный момент является слабоизученной. Теоретическая модель трансформации коллективной памяти предложена в работах Д. А. Аникина (Аникин, 2011). Рассмотрению этой темы посвящён исследовательский проект «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации». Применительно к российской ситуации, участниками проекта подчёркивается изменчивость и внутренняя неоднородность культурной памяти самой России как принимающего общества. В этой связи и в связи с обособлением въезжающих в Россию трудовых мигрантов, не ставящих перед собой задачу некоего культурного обмена, возникают всё новые и новые локальные «фронтиры», складывается ситуация фрагментации культурной памяти. Обособленность мигрантов в своих замкнутых сообществах также способствует росту явной и латентной конфликтности на уровне исторического сознания и повседневных практик (Линченко & Батищев, 2019).

В рамках этого же проекта авторы подчёркивают значение культурной памяти как долговременного конфликтного фактора процессов интеграции мигрантов, в связи с чем предлагают расширить понятие адаптации мигрантов и использовать для характеристики адаптации на уровне культурной памяти понятие «*мнемонической адаптации*» как «набора культурных стратегий и практик, способствующих формированию особой гибридной идентичности мигранта, представляющей определенную конфигурацию коммеморативных

практик как страны исхода, так и принимающего общества» (Линченко, Благинин, 2019, стр. 384).

Именно анализу конфликтогенности различных версий памяти на локальном (если быть точнее – на региональном) уровне посвящена данная статья.

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Миграционная ситуация в Липецкой области в последние годы характеризуется противоречивыми тенденциями. При общей убыли численности населения, показатели миграционного прироста (убыли) демонстрируют нестабильность в последние годы. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области, в 2016 году был поставлен рекорд по числу приехавших в регион граждан иностранных государств – 41516 человек. Однако на протяжении 2017 – 2018 годов органами государственной статистики фиксировалась миграционная убыль населения: -646 человек в 2017 году и -409 человек в 2018 году. В 2019 году был вновь зафиксирован миграционный прирост – 1839 человек (Федеральная служба государственной статистики по Липецкой области, 2020). В любом случае, Липецкая область, по оценкам экспертов, остаётся привлекательным регионом, в том числе, для иностранных и иноэтничных мигрантов. Так, в 2017 году распределение мигрантов по странам выглядело следующим образом: из Украины в Липецкую область прибыло 28,2% всех приезжих из-за рубежа, из Узбекистана – 28%, из Молдовы – 11,9%, из Армении – 6,7%, из Таджикистана – 5,7%, из Казахстана – 4,8% (Павлова, Павлов, Верещагина, 2017, стр. 188-119).

Наибольшие численно и наиболее активные диаспоры региона образуют свои общественные организации, представленные, в том числе, в региональном реестре национальных организаций Липецкой области, который ведёт региональное управление внутренней политики. В нём зарегистрированы общественные организации, представляющие интересы узбекской, армянской, молдавской, вьетнамской диаспор на территории области (по большей части, в сфере адаптации мигрантов-соотечественников), а также региональная общественная организация помощи мигрантам, переселенцам и соотечественникам «Землячество Донбасса» (Управление внутренней политики Липецкой области, 2020).

Рост актуальности проблематики, связанной с адаптацией мигрантов, в том числе со сглаживанием противоречий на уровне повседневных практик и «манифестации идентичности», демонстрирует повышенное внимание региональных органов власти к данной про-

блеме. Так, в государственной программе Липецкой области «Реализация внутренней политики Липецкой области» выделена отдельная подпрограмма 3 «Реализация государственной национальной политики в Липецкой области», среди задач которой – укрепление единства российской нации и обеспечение этнокультурного развития народов России в Липецкой области, а также содействие успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в общественное пространство Липецкой области. Последние изменения в эту программу, внесённые 9 октября 2019 года, касаются, в том числе, конкретизации целевых показателей по реализации этих задач. Для реализации этих задач предусмотрены мероприятия по укреплению общероссийского гражданского единства, мероприятия, направленные на этнокультурное развитие народов России, создание и обеспечение функционирования системы межэтнических и этноконфессиональных отношений, мероприятия по содействию успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в общественное пространство Липецкой области (Администрация Липецкой области, 2020).

Среди крупных региональных мероприятий в рамках указанных задач можно отметить празднования Дня народного единства в Липецкой области, в рамках которого в последние годы проводятся фестиваль национальных культур «Мы вместе!», выступления представителей диаспор на праздничном концерте.

Противодействию возможных конфликтов исторической памяти мигрантов и принимающего общества препятствует отсутствие концептуального оформления самих терминов «историческая память» и «политика памяти» на уровне государственных нормативных документов. В этой связи исследования конфликтогенности памяти в зонах локальных фронтиров на сегодняшний день остаются задачей и предметом интереса, в первую очередь, представителей академического сообщества.

СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Эмпирическую основу данной работы представляют материалы обширного социологического исследования культурной памяти мигрантов принимающего сообщества, прошедшего в 2017 – 2018 годах и охватившего 5 субъектов Российской Федерации. В Липецкой области из числа «коренных» жителей региона было опрошено 400 человек, распределённых в соответствии с квотами, репрезентирующими генеральную совокупность (жители г. Липецка). Также в рамках про-

екта были опрошены 300 мигрантов, являющихся представителями разных возрастных групп. Сбором и обработкой анкет мигрантов в Липецкой области занимались научные сотрудники Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ Благинин В.С. и Линченко А.А.

Сети взаимодействий мигрантов и принимающего общества через набор культурных практик и повседневных взаимодействий анализировались исследователями через понятие «культурной диффузии». При составлении анкеты были выделены несколько аспектов культурной диффузии: когнитивный (касается, прежде всего, знания истории своей стран и зарубежных стран, осознания исторических интересов, напрямую соприкасается с понятием этноцентризма в истории), языковой (касается соотношения использования русского языка и иностранных слов в своей речи), ценностный (отношение к нормам и ценностям мигрантов/принимающего общества), поведенческий (особенности быта, модели поведения и способы взаимодействия друг с другом мигрантов/принимающего общества).

Далее в тексте статьи на диаграммах вопросы, заданные респондентам из числа «коренного» населения Липецкой области, будут содержать в конце соответствующее указание – (ПО), т.е. принимающее общество. Для вопросов, заданных представителям мигрантов, – (М).

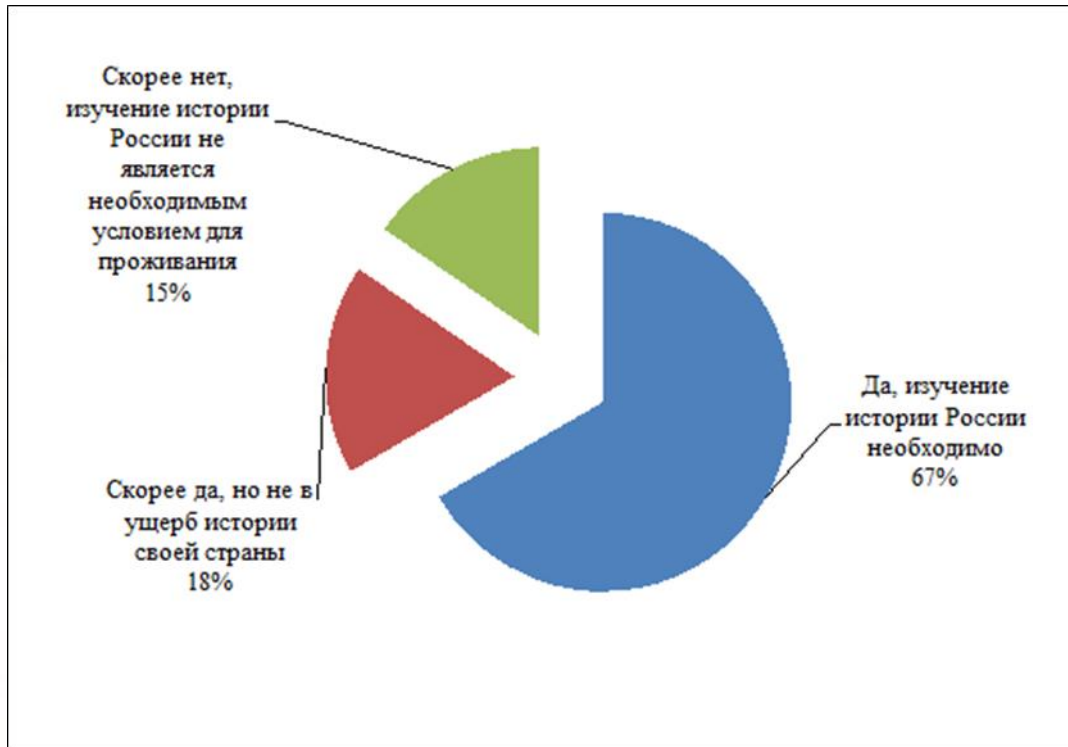
Сопоставление ответов респондентов на вопрос о необходимости изучения истории других стран (истории России – для мигрантов) выявляет, пожалуй, одно из самых серьезных препятствий для взаимной культурной диффузии мигрантов и принимающего общества – наличие этноцентризма в историческом сознании. Причём больший уровень этноцентризма фиксируется именно у респондентов из числа «коренных» жителей Липецкой области. Так, отвечая на вопрос о важности изучения истории других стран (рис. 1), 54,3% респондентов из данной группы сказали, что изучать историю других стран нужно, но не в ущерб истории своей страны. На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что на историю надо смотреть исключительно с точки зрения интересов своей страны?» около половины респондентов так или иначе ответили утвердительно, при этом 40,5% ответивших сказали, что в истории нет однозначно правых и неправых, только 16,8% указали, что истина важнее интересов своей страны.

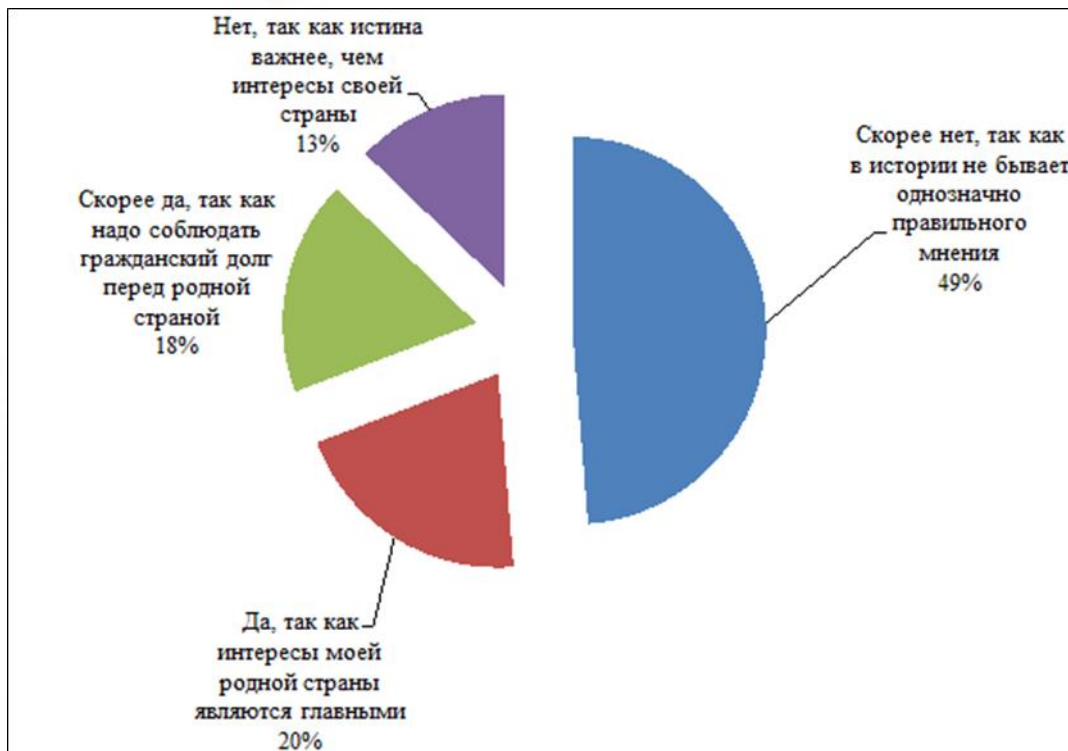

Рисунок № 1. Важность изучения истории других стран (ПО)

Среди опрошенных мигрантов 67% участников опроса заявили о необходимости изучения истории России (рис. 2). При этом 44% респондентов считают, что россияне обладают в целом достоверными знаниями об истории их стран. Однако почти четверть опрошенных мигрантов (23%) полагают, что россияне обладают только искажёнными фактами об истории их стран. Вопрос, направленный на выявление этноцентристских воззрений, также выявил определённую склонность мигрантов смотреть на историю с позиции интересов своей страны (рис. 3): прямо об этом сказали 18% опрошенных, 49% указали, что историческое знание изначально субъективно, 20% заявили о приоритете интересов родной страны во взгляде на историю. И только 13% среди опрошенных мигрантов считают, что главное – это объективная истина.

Рисунок № 2. Необходимость изучения истории России (М)

Рисунок № 3. «Согласны ли Вы с тем, что на историю надо смотреть исключительно с точки зрения интересов своей страны?» (М)

Наиболее сильные этноцентристские установки среди представителей «коренных» жителей Липецкой области наблюдаются у представителей старших возрастных групп (респонденты старше 40 лет). Эта возрастная группа липчан в целом демонстрирует бóльшую ригидность и консервативность сознания. Однако у опрошенных среди мигрантов бóльший этноцентризм наблюдаются у представителей молодёжи, при этом данный показатель снижается не только у представителей старших возрастных групп, но и у тех, кто большее время живёт в России. Меньший уровень этноцентризма среди старших поколений мигрантов, обусловлен, как предполагают авторы исследования, «влиянием общих культурных практик советского периода» (Линченко, Благинин, 2019, стр. 388). А длительность проживания в России, как видится, положительным образом способствует «культурной диффузии» и снижению остроты субъективного видения своей истории.

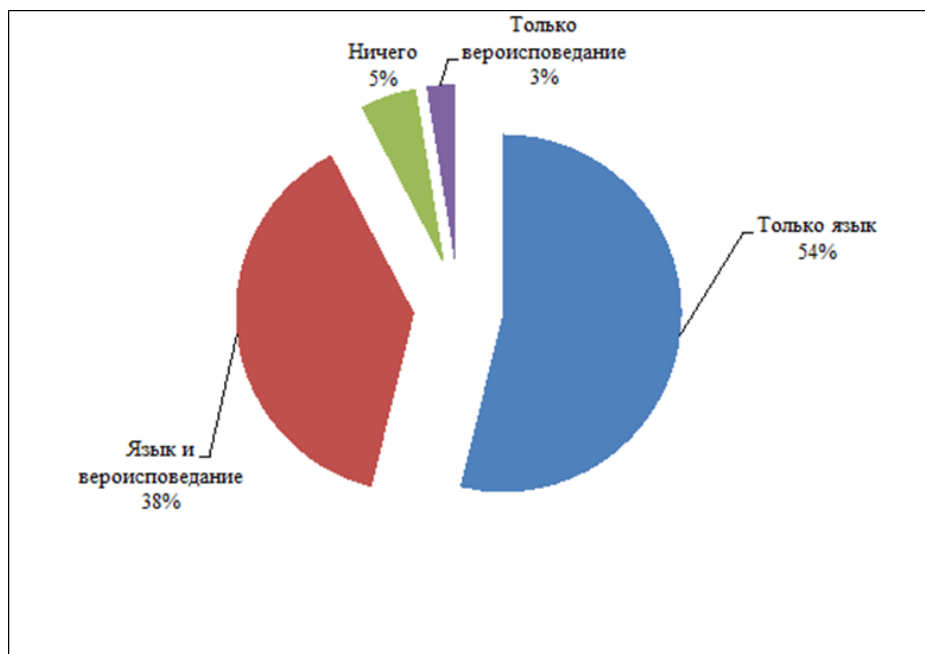
Конфликтогенные риски этноцентристского сознания в ситуации неизбежной трансформации культурной памяти России под влиянием миграционных процессов возможно нивелировать с помощью принятия неких ориентиров новой, «общей» культурной памяти России. Одним из них может стать ориентация на будущее вместо акцента на прошлом. Смещение мнемонического фокуса с прошлого на будущее неизбежно изменит и репрезентации прошлого.

Языковой аспект культурной диффузии выражается в готовности заимствования мигрантами русского языка для повседневного общения, а также в отношении принимающего общества к использованию мигрантами своего родного языка. Со стороны мигрантов можно отметить высокую степень языковой ассимиляции. Большая часть опрошенных мигрантов в Липецкой области (54%) из всех компонентов российской культуры готова перенять только русский язык, ещё 34% респондентов готова перенять русский язык и вероисповедание (православие), тем самым, абсолютное большинство опрошенных (88%) готовы заимствовать русский язык для повседневного общения (рис. 4). Отвечая на вопрос об использовании русского языка, 46% ответили, что русский язык является для них родным. 28% намеренно используют русский язык, а ещё 20% используют те русские слова, которых нет в их родном языке (рис. 5).

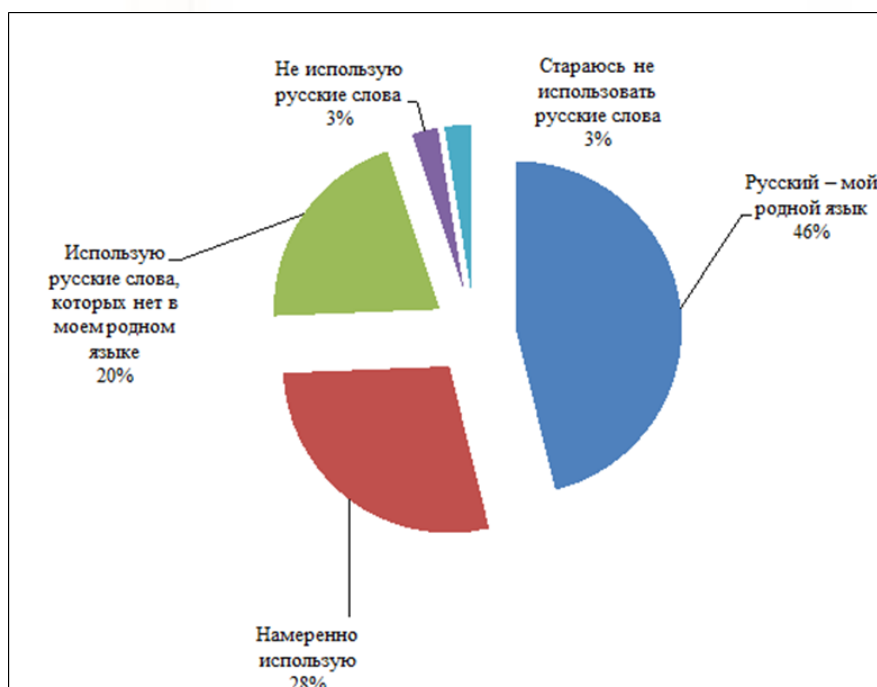
Со стороны принимающего общества можно наблюдать отчётливое стремление к языковой ассимиляции мигрантов (рис. 6). 60,3% респондентов считают, что в присутствии «коренного» населения мигрантам следует говорить только на русском языке. Чуть более трети

опрошенных (34%) проявили безразличие к тому, на каком языке общаются между собой мигранты в присутствии коренного населения. И только 5,8% допустили возможность общения на их родном языке.

Рисунок № 4. Готовность перенять компоненты российской культуры

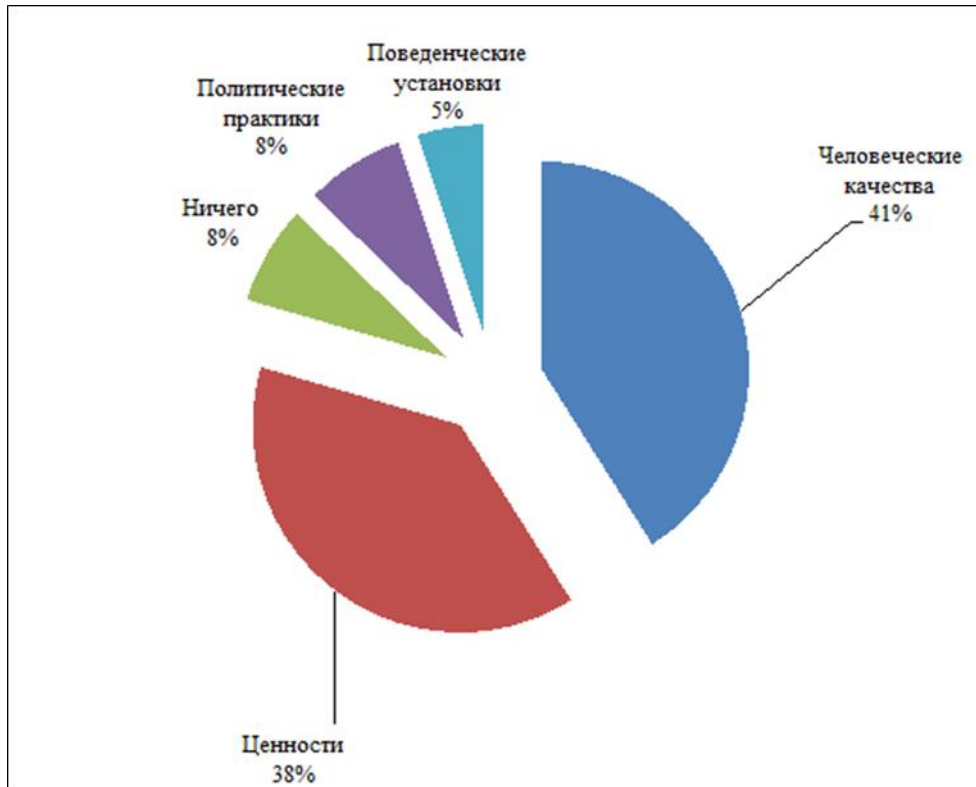
Рисунок № 6. Язык общения мигрантов в присутствии коренного населения (ПО)

В этой связи видится разумным, очерчивая концептуальные контуры складывающейся культурной памяти России, признать русский язык как основной маркер принадлежности к российской культуре и, соответственно, к российской культурной памяти. Данная тенденция в выстраивании миграционной политики России и, шире, внешнеполитического курса государства (Зевелёв, 2014), прослеживается в последние десятилетия на примере использования концепции русского мира как транснациональной общности людей, ощущающих свою общность с Россией, русским языком и русской культурой (Щедровицкий, 2006; Тишков, 2007). В этой связи можно отметить и наличие в официальных государственных документах понятия «соотечественник» (наряду с понятием «мигрант»), отдельные программы и проекты по взаимодействию с этой категорией людей, проживающих за рубежом. Однако концепция русского мира, при её видимом смещении от этничности к языку, имеет сильнейшую политико-идеологическую и геополитическую направленность. В плане нивелирования рисков трансформации культурной памяти России продуктивнее использовать идею русского языка как маркера принадлежности к российской культуре наряду с отказом от «имперскости» в пользу локальности, признания локальных сообществ как основных субъектов межкультурного диалога.

Ценностный аспект культурной диффузии выражен чуть слабее языкового, однако в данной ситуации также не наблюдается повышенной конфликтности. Ценности российской культуры готовы перенимать 38% респондентов из числа мигрантов в Липецкой области (рис. 7). Тем не менее, как показывают данные исследования, мигранты, в большинстве своём, люди светского мировоззрения, которые, в основном, посещают светские объекты российской культуры (44% опрошенных), соблюдают религиозные обычаи родной страны наравне со светскими 87% (только религиозные – 10%). При этом 64% опрошенных среди мигрантов заявили о наличии в Липецкой области всех условий для проведения религиозных обрядов.

Со стороны принимающего общества господствует нейтральное отношение к вероисповеданию мигрантов (61,3%). 22,8% опрошенных высказались положительно по поводу исповедания мигрантами своей религии. Однако по вопросу строительства религиозных объектов других культур среди «коренного» населения Липецкой области доминирует негативное отношение – 39,3%. Положительно к этому относится 32,5%, нейтрально – 28,3% (рис. 8).

Рисунок № 7. Аспекты российской культуры, которые мигранты готовы и хотят перенять (М)

Рисунок № 8. Отношение к строительству религиозных объектов других культур (ПО)

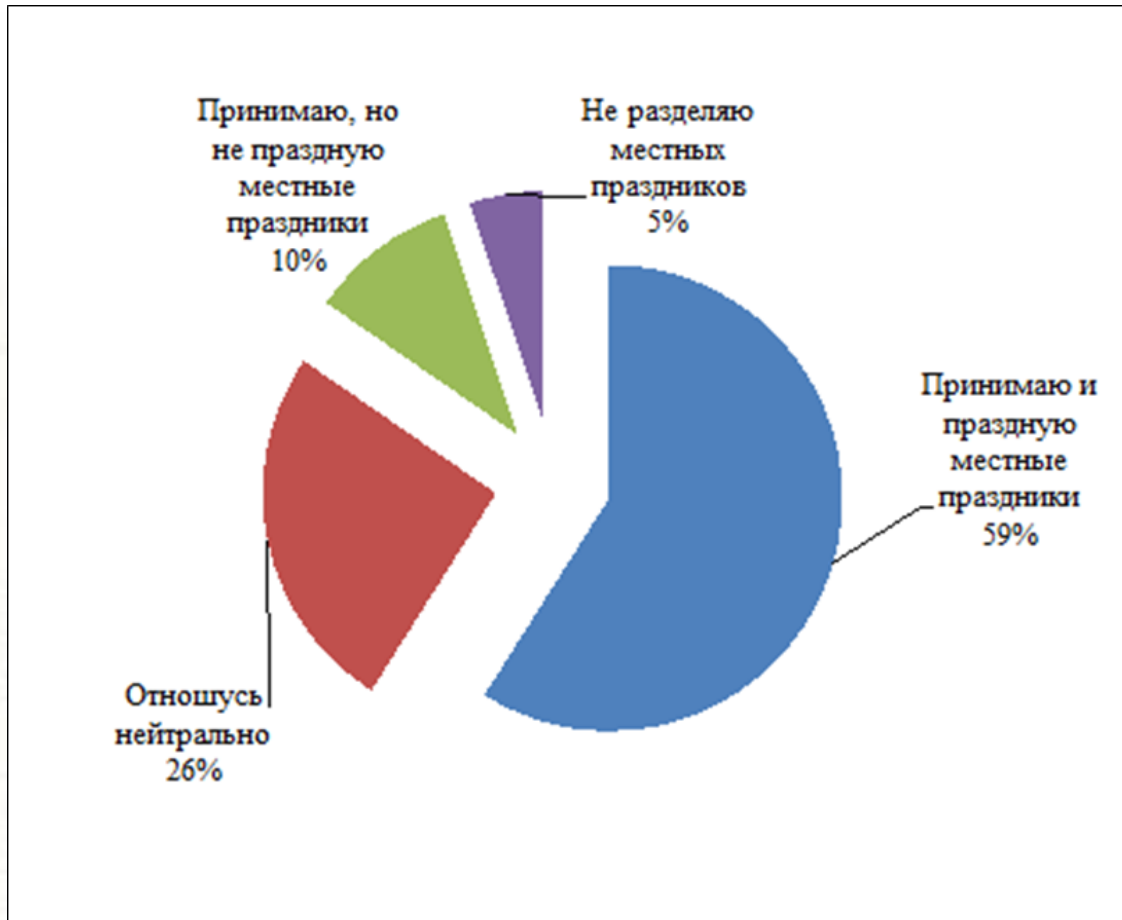

Таким образом, ценностный аспект культурной диффузии сглаживает возможные конфликтные места во многом благодаря, в основном, светскому мировоззрению мигрантов, их нейтральному отношению к религиозным практикам, высокой степени их религиозной терпимости. Религиозной терпимостью также отличаются представители принимающего общества, которые, однако, скорее негативно относятся к строительству религиозных объектов других культур. Тем самым, бесконфликтный характер трансформирующейся культурной памяти возможно обеспечить, не акцентируя внимание на религиозных факторах. Кроме того, исследователи отмечают общее безразличие мигрантов к российским политическим практикам (Линченко, Благинин, 2019, с. 397): в Липецкой области среди респондентов-мигрантов готовы перенимать политические практики россиян только 8% опрошенных. Аполитичные процессы мнемонической адаптации видятся куда менее конфликтными.

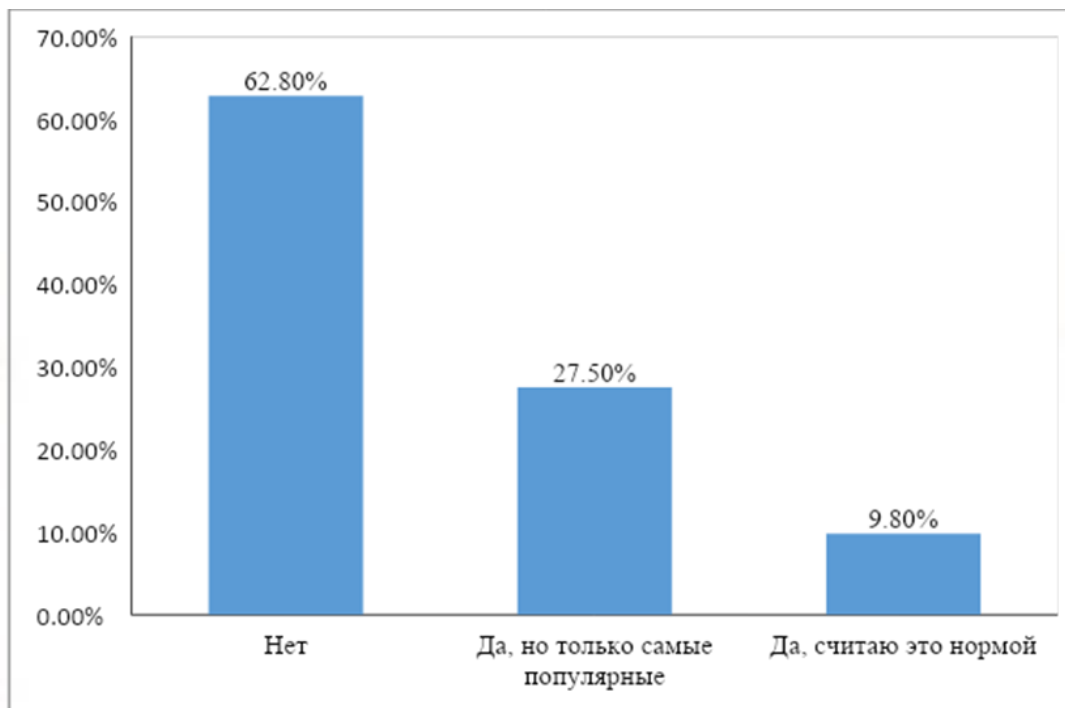
При рассмотрении поведенческого аспекта культурной диффузии в фокусе внимания оказываются повседневные взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, принятие и «перенятие» человеческих качеств друг друга. Важно отметить, что и мигранты, и представители принимающего общества в Липецкой области продемонстрировали открытость своих культур, в первую очередь, для заимствования человеческих качеств. 32,5% респондентов из числа «коренного» населения Липецкой области назвали человеческие качества главной ценностью других культур. 41% опрошенных среди мигрантов готовы заимствовать человеческие качества россиян (рис. 7).

Культурно-событийное пространство региона во многом способствует созданию среды повседневного общения мигрантов и «коренного» населения, поэтому особый акцент в исследовании был сделан на отношении респондентов к принятию праздников других культур. Среди мигрантов доминирует открытое и заинтересованное отношение к местным праздникам (рис. 9). 59% респондентов среди мигрантов указали, что принимают и отмечают местные праздники, 26% отнеслись нейтрально, 10% указали, что принимают местные праздники, но не празднуют их. Лишь 5% опрошенных не принимают местных праздников.

Рисунок № 9. Отношение к местным праздникам (М)

Подобный вопрос также фигурировал в анкетном исследовании для представителей «коренного» населения (рис. 10). Однако важно отметить, что речь шла, по большей части, о заимствовании праздников из западной культуры. Отчасти по причине сложных взаимоотношений российской и западной культур и общих консервативных настроений жителей российской провинции, 62,8% опрошенных не принимают праздники других культур. 27,5% респондентов принимают, но только самые популярные (Хэллоуин, День св. Валентина). При этом большинство опрошенных липчан (54,3%) заявили о том, что используют достижения других культур в кулинарии.

Рисунок № 10. «Считаете ли Вы правильным отмечать праздники других культур?» (ПО)

Характеризуя в целом поведенческий аспект культурной диффузии, можно отметить доминирующую роль личных качеств человека среди всех повседневных взаимодействий. Кроме того, мигранты в целом принимают личные качества людей, сформировавшиеся в российской культуре, а также местные праздники. Определённые сложности существуют в принятии праздников других культур со стороны принимающего общества.

ВЫВОДЫ

Таким образом, обобщая всё вышеизложенное, можно сделать вывод, что в сфере взаимодействия мигрантов и принимающего общества культурная память тех и других может выступать конфликтогенным фактором в долгосрочной перспективе. Порождаемая миграционными потоками ситуация возникновения всё новых локальных «фронтиров», в том числе на территории этнически русских регионов, побуждает и академическое сообщество, и государственные органы к очерчиванию концептуальных контуров будущей российской культурной памяти, в процессе чего и мигрантам, и принимающему обществу предстоит пройти «мнемоническую адаптацию».

Главные проблемные узлы в мнемонической адаптации мигрантов связаны с господствующими и у тех, и у других этноцентристски-

ми представлениями о собственной истории, что в ситуации Липецкой области накладывается, среди прочего, на общую ригидность сознания липчан, особенно старшей возрастной группы. Тем не менее, широкие возможности для продуктивной культурной диффузии даёт определённый консенсус вокруг использования русского языка как средства межкультурного общения, нейтральное отношение мигрантов к таким конфликтогенам, как религия и политика, активное повседневное взаимодействие и принятие человеческих качеств россиян.

Принимающее общество в лице «коренных жителей» Липецкой области демонстрирует более высокую степень закрытости по отношению к культуре и отдельным практикам мигрантов. И, если липчане демонстрируют терпимое «принятие» чужого культурного присутствия, то «перенимать» его они пока что не готовы. Усилия по взаимной мнемонической адаптации мигрантов и принимающего общества, как видится, должны быть сосредоточены вокруг создания особой культуры соседства как среды бесконфликтных повседневных взаимодействий.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 17-78-20149 «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

Список литературы

- Fortier, A. M. (2000). *Migrant belongings: memory, space, identity*. Oxford: Berg.
- Palmberger, M. & Tošić, J. (2016). *Memories on the move: experiencing mobility, rethinking the past*. London: Palgrave Macmillan Doi: 10.1057/978-1-137-57549-4
- Shiller N.G., Basch L. & Blanc-Szanton C. (1992). Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration *Annals of the New York Academy of Sciences*, (645), 1-24. Doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x
- Абашин, С.Н. (2012). Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества. *Этнографическое обозрение*, (4), 3-13.
- Администрация Липецкой области (2020). *Государственные программы Липецкой области. Реализация внутренней политики Липецкой области*. Получено из: https://www.admlip.ru/doc/app/bus/prog/2020_10_uvp.docx

- Андреев, А. А., Ахматшин, А. В., Годунова, Е. А., Малахиева, О. М., Наледин, И. И., Химчук, С. А. & Юсупов, И. И. (2019). Особенности развития транснациональной, национальной и локальной категорий самоидентификации мигрантов из Средней Азии (на примере Санкт-Петербурга). *Вопросы этнополитики*, (1), 83-112. Doi: 10.28995/2658-7041-2019-1-83-112
- Аникин, Д. А. (2011). *Топосы социальной памяти в обществе риска*. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.
- Басалаева, И. П. (2012). Фронтир как место в пространственном анализе социальной динамики. *Вестник КемГУКИ*, (18), 208-214.
- Глущенко, Г. И. (2005). Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития. *Мировая экономика и международные отношения*, (12), 50-57.
- Дмитриев, А. В. & Воронов, В. В. (2017) *Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации*. Москва: Новый Хронограф
- Замятина, Н. Ю. (2007). Норильск – город фронта. *Вестник Евразии*, 1(35), 165-190.
- Зевелёв, И. А. (2014). Границы русского мира. *Россия в глобальной политике*, (2), 34-46.
- Линченко, А. А. & Батищев Р. Ю. (2019). Культурная память России в ситуации миграционных вызовов: актуальность философии культуры, *Философия и культура*, (5), 1-18. Doi: 10.7256/2454-0757.2019.5.29675
- Линченко, А. А. & Благинин, В. С. (2019). «Мне моя жизнь дорога как память»: мнемоническая адаптация мигрантов в России. В А. В. Овчинников (ред.) *«Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Казань, 22–23 ноября 2019 г.* (стр. 382-399). Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета
- Малахов, В. С. (2014). *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций* Москва: Новое литературное обозрение
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В. & Рябченко, Н. А. (2016). Фронтир сетевого общества. *Мировая экономика и международные отношения*, (2), 83-97.
- Мукомель, В. И. (2018). Трудовые мигранты в России: проблемы интеграции и идентичности. В *Миграционные процессы и их влия-*

ние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сборник трудов II Международной научно-практической конференции. 4–5 июня 2018 г. Владивосток (стр. 238–243). Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета.

- Нестерова, А. А. & Сулова, Т. Ф. (2015). *Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов*. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
- Павлова, С. А., Павлов, И. Е. & Верещагина В. И. (2017). Социальная политика и демографическая ситуация в Липецкой области. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, (4), 107-125 Doi: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-107-125
- Попков, В. Д. (2016). *Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии*. Франкфурт-на-Майне: «Посев»
- Татарко, А. Н. & Родионов Г. Я. (2017). Взаимосвязь доверия и аккультурационных ожиданий принимающего населения. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, (3), 519-535. Doi: [10.17323/1813-8918-2017-3-519-535](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-519-535)
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (2020). *Миграционный прирост (убыль) населения Липецкой области*. Получено из: <https://lipstat.gks.ru/storage/mediabank/Миграционный%20прирост%20населения%20Липецкой%20области.pdf>
- Тишков, В.А. (2007). Русский мир: смысл и стратегии. *Стратегия России*, (7), 5-15.
- Управление внутренней политики Липецкой области (2020). *Реестр национальных организаций Липецкой области*. Получено из: <https://nko48.ru/reestr-naczionalnyh-organizaczij-lipeczkoj-oblasti/>
- Щедровицкий, П.Г. (28.06.2006). Русский мир и Транснациональное русское. *Центр гуманитарных технологий*. Получено из: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2508>

References

- Abashin, S. N. (2012). Central Asian migration: practices, local communities. *Ethnographic review*, (4), 3-13. (in Russian)
- Administration of the Lipetsk region (2020) *State programs of the Lipetsk region. The realization of the internal policy of the Lipetsk region*. Retrieved from: https://www.admlip.ru/doc/app/bus/prog/2020_10_uvp.docx (in Russian)
- Andreev, A. A., Akhmatshin, A.V., Godunova, E. A., Malakhieva, O. M., Naledin, I. I., Himchuk, S. A. & Yusupov, I. I. (2019). Features of development of transnational, national and local categories of self-identification of migrants from Central Asia (on the example of St. Petersburg). *The issues of Ethnopolitics*, (1), 83-112. Doi: 10.28995/2658-7041-2019-1-83-112 (in Russian)
- Anikin, D. A. (2011) *Toposes of social memory in a risk society*. Saratov: Saratov State University Press. (in Russian)
- Basalaeva, I. P. (2012). Frontier as a place in the spatial analysis of social dynamics. *Bulletin Of KemGUKI*, 18, 208-214. (in Russian)
- Department of internal policy of the Lipetsk region (2020) *Register of national organizations of the Lipetsk region*. Retrieved from: <https://nko48.ru/reestr-naczionalnyh-organizacij-lipeczkoj-oblasti/> (in Russian)
- Dmitriev, A.V. & Voronov, V. V. (2017). *Adaptation and integration of the multi-ethnic space of Russian regions: problems, recommendations*. Moscow: Novyj Khronograf (in Russian)
- Fortier, A.M. (2000). *Migrant belongings: memory, space, identity*. Oxford: Berg.
- Glushchenko, G. I. (2005). Transnationalism of migrants and prospects for global development. *Global economy and international relations*, (12), 50-57. (in Russian)
- Linchenko, A. A. & Batishchev, R. Yu. (2019). Cultural memory of Russia in the situation of migration challenges: relevance of the philosophy of culture, *Philosophy and culture*, (5), 1-18. Retrieved from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29675
Doi:10.7256/2454-0757.2019.5.29675 (in Russian)
- Linchenko, A. A. & Blaginin, V. S. (2019). "My life is dear for me as a memory": mnemonic adaptation of migrants in Russia. In A.V. Ovchinnikov (ed.) *The "Past": the theory and the practices of (de)construction in scientific and political discourses: Materials of the Russian scientific and practical conference with international*

- participation, Kazan, November, 22-23, 2019 (pp. 382-399). Kazan: Kazan Innovative University Pres. "Poznanie" (in Russian)
- Malakhov, V. S. (2014). *Cultural differences and political boundaries in the era of global migration* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian)
- Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. & Ryabchenko, N. A. (2016). Frontier network society. *Global economy and international relations*, (2), 83-97. (in Russian)
- Mukomel, V. I. (2018). Labor migrants in Russia: problems of integration and identity. In *Migration processes and their impact on the demographic and socio-economic development of the Far East: The materials of the II International scientific and practical conference*. 2018, June,4-5 Vladivostok (pp. 238-243). Vladivostok: Far Eastern Federal University Press. (in Russian)
- Nesterova, A. A. & Suslova, T. F. (2015). *Constructivist and socio-psychological approaches to study of the factors of viability and adaptation of migrants*. Moscow: Publishing and trading Corporation "Dashkov i K"
- Palmberger, M. & Tošić, J. (2016). *Memories on the move: experiencing mobility, rethinking the past*. London: Palgrave Macmillan Doi: 10.1057/978-1-137-57549-4
- Pavlova, S. A., Pavlov, I. E. & Vereshchagina V. I. (2017). Social policy and demographic situation in the Lipetsk region. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, (4), 107-125 Doi: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-107-125 (in Russian)
- Popkov, V. D. (2016)/ *Leaving the boundaries of ethnicity. Post-Soviet emigration in Germany*. Frankfurt: "Posev" (in Russian)
- Shchedrovitsky, P. G. (28.06.2006). The Russian world and the Transnational Russian. *Center of humanitarian technologies*. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2508> (in Russian)
- Shiller N. G., Basch L. & Blanc-Szanton C. (1992). Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration *Annals of the New York Academy of Sciences*, (645), 1-24. Doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x
- Tatarko, A. N. & Rodionov, G. Ya.(2017) Social and Psychological Capital and Acculturation Expectations of the Host Population. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, (3), 519-535.
- Territorial department of the Federal state statistics service for the Lipetsk region (2020) *Migration growth (decline) of the population of the Lipetsk region*. Retrieved from:

<https://lipstat.gks.ru/storage/mediabank/Миграционный%20прирост%20населения%20Липецкой%20области.pdf> (in Russian)

Tishkov, V.A. (2007). The Russian world: essence and strategies. *Strategy of Russia*, (7), 5-15.

Zamyatina, N.Y. (2007). Norilsk is a frontier city. *Bulletin Of Eurasia*, 1(35), 165-190. (in Russian)

Zevelev, I. A. (2014). Borders of the Russian world. *Russia in global affairs*, (2), 34-46. (in Russian)